

Брифинг EUCAM № 37, сентябрь 2019

БРИФИНГ



**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОДЕЙСТВИЕ ЕС
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ СЕКТОРУ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Новый взгляд на содействие ЕС образовательному сектору в Центральной Азии

Себастьян Пейруз является профессором международных отношений Института европейских, российских и евразийских исследований при Школе международных отношений Эллиота Университета Джорджа Вашингтона.

Введение¹

Ситуация в образовательных системах стран Центральной Азии начала ухудшаться с распадом Советского Союза. Во всех пяти странах региона в той или иной степени отмечается недостаток высококачественного, эффективного образования. Свою лепту в расширение разрыва между нуждами работодателей и уровнем профессиональной подготовки студентов внесли повсеместная коррупция и ненадлежащее управление. Все это препятствует развитию человеческого потенциала и долгосрочной экономической стабильности.

Сфера образования – одна из ключевых в сотрудничестве Европейского союза (ЕС) и Центральной Азии. ЕС продвигает масштабные общесистемные реформы в высшем образовании для приведения его в соответствие с Болонским процессом (его цель – межправительственное сотрудничество в высшем образовании в Европе в ее более широкой географической трактовке). Новласти стран региона не внедрили большую часть

Основные тезисы:

- Евросоюз оказывает содействие Центральной Азии в образовательной сфере в основном посредством масштабных инструментов без учета местных особенностей и сопротивления переменам со стороны местных властей.
- Вместо реформ в рамках Болонского процесса ЕС следует сосредоточиться на двухсторонних проектах более узкого спектра, которые также позволят укрепить отношения на двухстороннем уровне.
- Чтобы достичь более долгосрочного эффекта, большего вовлечения и уровня ответственности со стороны партнеров в регионе ЕС необходимо работать с новым поколением заинтересованных сторон (в том числе учителями, учащимися и родителями).

¹ Этот брифинг основан на более углубленном исследовании системы образования в Центральной Азии, которое включает интервью в регионе (с учителями, родителями и учащимися) в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. Ряд выводов позаимствованы из работы Себастьяна Пейруза 'How to Strengthen Western Engagement in Central Asia: Spotlight on EU Education Assistance in Uzbekistan', PONARS Policy Memo, no. 524, апрель 2018, <http://www.ponarseurasia.org/memo/strengthen-western-engagement-central-asia-spotlight-eu-education-assistance-uzbekistan>. Автор выражает благодарность Вере Аксеновой и Йосу Боонстре за их комментарии и предложения во время работы над этим брифингом. .

предложенных ЕС реформ. Во-первых, поскольку Центральная Азия не приоритет во внешней политике Евросоюза, выделяемых им политических и финансовых ресурсов было недостаточно. Во-вторых, местные режимы вынуждали проводить реформы, которые они считают угрозой своему влиянию. В-третьих, многие участники процесса с неохотой принимали концепции, которые считают чуждыми местным социальным и экономическим реалиям.

Новая стратегия ЕС в Центральной Азии отводит образованию особое место. Запускаемый с 2021 года в ЕС новый инструмент оказания содействия - Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument (Инструмент сотрудничества с соседними странами, сотрудничества для развития и международного сотрудничества) – может оказаться более гибким средством поддержки разных аспектов образования. Евросоюз предложил создать Центральноазиатское пространство высшего образования по типу Европейского пространства высшего образования (запущенного в 2010 году как результат Болонского процесса). Эта инициатива может оказаться более успешной, нежели прежний метод «единого для всех шаблона», который подорвал эффективность содействия ЕС образовательному сектору Центральной Азии. Но поскольку этот подход – продолжение Болонского принципа, сохраняется риск, что в будущем его адекватность и эффективность могут стать предметом пристального критического анализа.

ЕС следует сосредоточиться на меньших по охвату проектах на национальном уровне, которые будут больше вписываться в местные реалии и соответствовать тому объему финансирования, которое готов выделять Евросоюз. Это позволит ему переключиться на взаимодействие с Центральной Азией вдоль более полного спектра инициатив в образовании и профессионально-техническом обучении.

Подорванные системы образования

В 1990-х годах, в отсутствие советских субсидий, страны Центральной Азии были вынуждены резко сократить процент ВВП, выделяемый на образование. В случае с Узбекистаном этот объем сократился на треть, в Таджикистане – в четыре раза.² Четверть века спустя расходы на образование в Кыргызстане (5,99 процента ВВП) и в Таджикистане (5,23 процента) все еще значительно ниже минимального необходимого порога для стран с таким низким уровнем ВВП. В 2016 году в более обеспеченных странах региона – Казахстане (2,98 процента) и Туркменистане (3,05 процента) – этот показатель оставался ниже стандартов ОЭСР.³ На этом фоне страны также произвели децентрализацию бюджетов с национального на областной уровень. Это привело

² 'Education Development in Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan', Challenges and Ways Forward', Институт «Открытое общество», 2002 г., стр. 12.

³ 'Financing of Education Around the World Today', Our World in Data, <https://ourworldindata.org/financing-education>

к существенному сокращению финансирования школ и вузов, в отдельных случаях поставив под угрозу их существование. Образовательные учреждения, не способные оплачивать самые основные расходы, вынуждены прибегать к другим источникам финансирования, в том числе к родительским взносам.

Бюджетные сокращения также вынудили власти поставить в приоритет высшее и среднее образование в ущерб более низким уровням, в том числе дошкольному образованию. В период с 2000-х по 2010-е годы менее четверти детей в Центральной Азии имели доступ к уходу и образованию для детей младшего возраста.⁴

В среднем образовании, которым, согласно официальным данным, дети в регионе охвачены почти на 100 процентов, многие школы работают в две-три смены, а ученики проводят в них лишь несколько часов.

В Кыргызстане и Таджикистане в школах не хватает учебников, классы переполнены, число детей в них может достигать 40 человек. Несмотря на попытки властей увеличить количество вузов, уровень охвата высшим образованием в странах Центральной Азии остается очень низким: 13 процентов – Таджикистане, 9 процентов – в Узбекистане, 8 процентов – в Туркменистане. Для сравнения, в европейских странах этот показатель составляет 40 – 60 процентов.⁵

После распада Союза пострадало и качество преподавания. Средняя зарплата учителей не превышает 100 евро, поэтому многие из них, чтобы прокормиться, вынуждены искать вторую работу. По данным на 2017 год, уровень нехватки учителей в Узбекистане составлял 20-25 процентов. В Кыргызстане школы не досчитывались полутора тысяч педагогов.⁶ Учителя не только имеют дело с переполненными классами, им также приходится брать на себя дополнительные обязанности, в частности по поддержанию порядка на территориях школ. Все это привело к процветающей коррупции в их рядах и падению уровня мотивации учеников.

Помимо этих общих для пяти стран трудностей, государства региона сталкиваются и со специфическими политическими и социально-экономическими реалиями, оказывающими влияние на их системы образования. Кыргызстан и Таджикистан относятся к беднейшим странам мира. Их экономики зависят от денежных переводов из-за рубежа трудовых мигрантов – выходцев из этих стран. В 2017 году такие переводы составляли 32,9 процента ВВП Кыргызстана и 31,3 процента Таджикистана.⁷ Высокий уровень миграции среди родителей негативно отражается на посещаемости учебных заведений оставленных ими на родине детей, особенно

4 Назим Хабибов, 'Early childhood care and education attendance in Central Asia', Children and Youth Services Review, 34 (2012): 800.

5 'Enrollment in tertiary education', Our World in Data, <https://ourworldindata.org/tertiary-education>

6 'Shkol'naia reforma v Uzbekistane: Chevo zhdat' ot novogo uchebnogo goda', Centr-1, 17 августа, 2017 г., <https://centre1.com/uzbekistan/shkolnaya-reforma-v-uzbekistane-chevo-zhdat-ot-novogo-uchebnogo-goda/>; 'Schools of Kyrgyzstan suffer shortage of 1,500 teachers', Akipress, 30 августа, 2013, <https://akipress.com/news:527346>

7 Данные Всемирного банка: <https://data.worldbank.org/indicator/bx.trf.pwkr.dt.gd.zs>

это касается менее образованных семей. Тем не менее, согласно образовательному индексу ПРООН за 2017 год⁸, несмотря на то, что уровень образованности населения в Таджикистане понизился (с 0.673 в 2008 году до 0.659 в 2017), в Кыргызстане этот показатель улучшился (с 0.597 в 1995 году до 0.735 в 2017 году).⁹ Одной из причин стали инвестиции в высшее образование и позитивное влияние иностранных образовательных учреждений, в том числе Академии ОБСЕ и Американского университета в Бишкеке, которые превратили этот город в образовательную столицу Центральной Азии.

В Казахстане наблюдаются расхождения в уровне образовательных стандартов. С одной стороны - столица Нур-Султан (ранее - Астана), другие крупные города, получающие значительную государственную поддержку, с другой - регионы, зачастую сельские, где хроническая нехватка финансирования подорвала качество образования и инфраструктуры. В высшем образовании значительные объемы средств выделяются Назарбаев Университету.¹⁰

Первый президент Туркменистана Сапармурат Ниязов фактически уничтожил образовательный сектор в стране, сократив продолжительность обязательного школьного образования и настаивая, чтобы школьники заучивали тексты из его книг. Поверхностные и, по сути, косметические преобразования, проведенные текущим президентом Гурбангулы Бердымухамедовым, незначительно улучшили ситуацию. Закрытость режима дополнительно осложняет возможности для сотрудничества с этой страной.

Узбекистан – страна, где такие перспективы сохраняются. Благодаря изменениям, инициированным президентом Шавкатом Мирзиевым, там открылись новые возможности для внешней поддержки с целью развития образования и проведения реформ. Изменения в Узбекистане в целом освобождают пространство для сотрудничества с местными властями, неправительственными организациями (НПО) и частным сектором. При покойном президенте Исламе Каримове эти возможности были строго ограничены. Но Узбекистану все еще предстоит решить, как поступить с масштабной системой профессионально-технического образования, которое при Каримове было обязательным. Более того, целостность подхода к реформам затрудняет и то обстоятельство, что образование курируют три разных министерства.

Недостатки систем образования в странах региона крайне негативно отразились на их экономическом и социальном развитии. Потребность в низкоквалифицированной рабочей силе в Центральной Азии за последние 15 лет существенно снизилась.¹¹ Одновременно уровень образованности молодежи зачастую не соответствует

8 «Индекс образования» ПРООН – «это среднее значение продолжительности полученного образования (среди взрослых) и ожидаемой продолжительности образования (среди детей). Оба значения выражены индексом путем масштабирования соответствующего максимума».

9 См. ПРООН, отчеты «Индекс человеческого развития», <http://hdr.undp.org/en/indicators/103706>

10 'OECD, Education Policy Outlook: Kazakhstan', OECD Better Policies for Better Lives, декабрь 2018 г., стр. 19.

11 Институт «Открытое общество», op. cit., стр. 9.

требованиям рынка труда, и эта нехватка навыков усугубила ситуацию с ее трудоустройством.

Долгосрочные обязательства Евросоюза

Евросоюз с 1990-х годов основное внимание уделяет высшему образованию в Центральной Азии:

Во-первых, в период после распада Советского Союза вплоть до 2013 года региональная программа «Темпус» содействовала модернизации систем высшего образования в 27 странах, в том числе в пяти государствах Центральной Азии. Программа продвигала реформы в соответствии с Болонским процессом с целью создания «общего пространства высшего образования в Европе со сравнимыми системами оценки квалификации (короткий цикл, бакалавриат, магистратура, докторантура) [...] с тем, чтобы они отвечали требованиям меняющегося рынка труда»¹². С помощью «Темпус» были созданы несколько систем двойных дипломов европейских и центральноазиатских вузов. Она также позволила заложить основу новой системы оценок.

Во-вторых, в 2004 году программа «Эразмус Мундус», изначально рассчитанная на страны, входящие в Евросоюз, была расширена. Через совместные программы и индивидуальные стипендии она продвигает мобильность студентов и преподавателей на всех уровнях системы высшего образования (бакалавриат, магистратура, докторантура).

В 2006 году Еврокомиссия запустила программу «Эразмус Мундус: окно в европейское сотрудничество» для поддержки межнационального партнерства и обмена между вузами Европы и других регионов, в том числе Центральной Азии.¹³

В 2014 году «Темпус» и «Эразмус Мундус» слились в программу «Эразмус+». Она включает все текущие программы ЕС в области образования, профессиональной подготовки, поддержки молодежи и спорта. Ее цель – поддержка широкого спектра образовательных проектов в период с 2014 по 2020 год. В рамках программы выдаются стипендии на краткосрочное обучение в европейских университетах. Она также предлагает магистерские программы, осуществляемые на базе консорциума вузов разных стран.

В-третьих, в 2007 году в рамках Стратегии для Центральной Азии ЕС разработал региональную образовательную инициативу. До 2016 года ее курировала

12 См. Вступление на сайте Еврокомиссии относительно Болонского процесса. https://ec.europa.eu/education/policies/higher-education/bologna-process-and-european-higher-education-area_en

13 Вера Аксенова, 'Пять лет образовательной инициативе ЕС для Центральной Азии: уроки извлечены?', брифинг EUCAM, по. 30, февраль 2013 г., стр. 2.

Еврокомиссия. В настоящее время инициативой управляют Польша и Латвия. В 2012 году в рамках инициативы была запущена Образовательная платформа ЕС – Центральная Азия, сосредоточившаяся на высшем и профессиональном образовании. Ее цель – поддержка систем образования в регионе путем внутрорегионального и межрегионального диалога между ЕС и странами Центральной Азии. В ее задачи также входит координирование проектов ЕС в сотрудничестве с другими международными донорами и содействие в смягчении проявлений таких социальных явлений, как гендерное неравенство и экстремизм. С 2012 года платформа прошла две фазы и включала ряд встреч, обучающих мероприятий, семинаров и конференций. Как ожидается, с середины 2020 года ее пересмотрят и продлят в соответствии с новой Стратегией.¹⁴

Также, ЕС вносит свою лепту в поддержку профобразования через Европейской фонд профессионально-технической подготовки. Он выступает за непрерывность процесса обучения в Центральной Азии и других регионах, в том числе в Восточной Европе, на Балканах и на Ближнем Востоке. В Центральной Азии фонд активен в секторе профессионально-технического образования, его цель – сократить разрыв между возможностями систем образования в регионе и нуждами рынка труда. Он также стремится «содействовать институтам ЕС в разработке и мониторинге технической и бюджетной поддержки и продвигать региональное сотрудничество».¹⁵

Ограниченность воздействия проектов ЕС

Несмотря на многочисленные инициативы и усилия, эффективность влияния ЕС на образовательный сектор в Центральной Азии не отвечает ожиданиям, а в некоторых случаях носит противоречивый характер или проходит незамеченным. Новая Стратегия открывает возможности для применения передового опыта и уроков, извлеченных как в Центральной Азии, так и в других регионах.

Во-первых, убежденность в том, что западную систему образования можно «экспортировать», глубоко недооценивает разнообразие реалий на постсоветском пространстве. Применяя метод «единого для всех шаблона», программы ЕС часто по большей части игнорировали местные заинтересованные стороны (учителей, студентов и родителей), а также исторический, политический, экономический, социальный, культурный контексты и ценности. Одновременно режимы стран региона существенно ограничили доступ иностранных доноров к получателям содействия на местах. Это привело к тому, что в регионе не сложился должный уровень участия заинтересованных сторон в образовательных программах.

Результатом в ряде случаев стало возникновение противодействия предлагаемым реформам. Многие учителя не в состоянии в текущей ситуации поддерживать такие

¹⁴ Для дополнительной информации см. <https://www.caep-project.org/project-presentation/>

¹⁵ См. официальный сайт фонда https://www.etf.europa.eu/ru/regions-and-countries?field_related_regions_target_id_verf=16

модели, как обучение, сфокусированное на учащих, прямо противоположное советской модели. Педагогам необходимо улучшить условия работы: повысить зарплаты, снизить уровень трудовой нагрузки, обеспечить политическую либерализацию и т.д. Многим специалистам также пришлось не по вкусу то, как европейские программы подорвали советскую систему образования, в которой они обучались, которую ценили за доступность и бесплатность и которую считают высококачественной, несмотря на все недостатки.

Во-вторых, ЕС недооценил авторитарный и коррумпированный политический контекст в Центральной Азии. Его реформы споткнулись об отсутствие у режимов нужного потенциала, а также об их желание контролировать развитие населения и его продуктивность. Власти стран региона, заявляя о своей открытости для сотрудничества с ЕС, на практике часто с неохотой выполняют достигнутые соглашения или продвигают так называемые «западные» идеи, в том числе критическое мышление. Поэтому студентов по-прежнему воспринимают просто как получателей знаний, а не как авторов оригинальных идей.

Несмотря на их сопротивление реформам, власти стран Центральной Азии использовали сотрудничество с ЕС в области образования для повышения своего престижа на международном уровне. К примеру, власти Казахстана гордились присоединением к Болонскому процессу и интеграцией в Европейское пространство высшего образования, но страна пока так и не завершила необходимые реформы и все еще отстает в сфере автономности университетов, расширения полномочий и возможностей факультетов, развития местных сообществ и свободного потока международных знаний.¹⁶ Преждевременная интеграция Казахстана, возможно, не только не способствовала реформам, но и непреднамеренно послужила причиной их замедления.

Дальнейшее развитие

Новая Стратегия ЕС для Центральной Азии и Инструмент сотрудничества с соседними странами, сотрудничества для развития и международного сотрудничества позволят ЕС пересмотреть его традиционный подход – «упрощенный ответ Запада извне на комплексную проблему внутри». Это позволит избежать очередного захода ЕС по кругу «идеализм, большие ожидания, разочаровывающие результаты [и] циничная ответная реакция»¹⁷. Эффективности масштабных реформ можно добиться только при условии, что будет улучшено социально-экономическое положение местных заинтересованных сторон, в особенности учителей и семей, для которых доступ к образованию сопряжен с большими финансовыми трудностями. Кроме того,

¹⁶ Пеннис Столтис, 'Similarities, divergence, and incapacity in the Bologna Process reform implementation by the former-socialist countries: the self-defeat of state regulations', *Comparative Education*, вып. 51, no. 2 (2015 г.): 192.

¹⁷ Вильям Истерли, *The White Man Burden. Why the West Effort to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good* (Penguin Books, 2006 г.).

необходимо, чтобы власти стран Центральной Азии демонстрировали реальное желание отказаться от системы обучения, основанной на «зубрежке», в пользу свободного и критического мышления.

Идея создать в Центральной Азии единое пространство высшего образования выглядит более многообещающей, чем прошлые инициативы. Если ЕС продолжит ее внедрение, ему необходимо аккуратно распределять ресурсы с тем, чтобы у него оставалась возможность поддерживать менее крупные инициативы (текущие и новые), которые способны оказать существенное позитивное влияние на систему образования. В идеале, эти проекты можно было бы продвигать через двухсторонние программы со странами региона. Их глубина и охват могут варьироваться в зависимости от нужд и готовности партнеров к сотрудничеству.¹⁸

Во-первых, в высшем образовании ЕС мог бы и дальше развивать существующие программы с тем, чтобы большее число студентов из региона могло обучаться в европейских вузах. Это позволит уравновесить недостаток мест в вузах региона, укрепить контакты между двумя регионами и станет альтернативой российской и китайской системам образования, которые с большей готовностью принимают центральноазиатских студентов. В 2016-2017 годах в европейских вузах обучалось менее 15 тысяч студентов из Центральной Азии, в российских - более 150 тысяч¹⁹, в китайских – 30 тысяч²⁰. Программа «Эразмус Мундус» позволяет студентам находиться в Европе лишь несколько месяцев. Возможность пройти полный курс, дополнительное или специализированное обучение станет хорошим подспорьем для развития человеческого потенциала в тех сферах, в которых в регионе наблюдается недостаток



Фото: UN Women в Европе и Центральной Азии по лицензии Creative Commons

¹⁸ Йос Боонстра (ред.), Марлен Ляруэль, Андреас Маразис и Тика Церцвадзе, 'Новая Стратегия ЕС для Центральной Азии: углубляя отношения и обеспечивая долгосрочность воздействия', рабочий доклад EUCAM No. 20, октябрь 2018.

¹⁹ '25 лет вместе: Лавров о партнерстве России со странами Центральной Азии', Мир24, 4 октября, 2017 г., <https://mir24.tv/news/16270650/25-let-vmeste-lavrov-o-partnerstve-rossii-so-stranami-centralnoi-azii>

²⁰ Александр Шустов, "Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии," Евразия Эксперт, 9 января 2018 г., <http://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/>; См. Также сайт ЮНЕСКО: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>

подобающего обучения и в которых ЕС обладает большими возможностями. Одна из целей в новой Стратегии - повышение числа и разнообразия получателей европейского содействия в Центральной Азии – шаг в правильном направлении.

Во-вторых, ЕС может оказывать поддержку успешным образовательным заведениям, таким, как Академия ОБСЕ в Бишкеке, и способствовать открытию в Центральной Азии представительств европейских вузов, подобных кампусам Туринского политехнического университета и Вестминстерского международного университета в Узбекистане. Эти учебные заведения пользуются большой популярностью среди студентов и родителей. Несмотря на относительно высокую стоимость обучения, они не подвержены коррупции, результатом которой в Центральной Азии становится произвольное повышение платы за обучение. Высокое качество обучения в них также позволяет решать проблему разрыва между уровнем квалификации выпускников вузов в Центральной Азии и ожиданиями рынка и работодателей. Выпускники европейских университетов из Центральной Азии, вливаясь в рынок труда, будут применять полученные высококачественные знания в частном и государственном секторах и выступать свидетельством позитивного влияния расширенного европейского присутствия в сфере образования в Центральной Азии.

В-третьих, ЕС и странам-членам следует больше внимания уделять начальному образованию. Этот сектор в новой Стратегии не упоминается. Именно недостаток этого типа образования мешает поступлению центральноазиатской молодежи в вузы. Наиболее остро стоит проблема улучшения инфраструктуры. ЕС мог бы спонсировать ремонт школ, которые в настоящее время существуют в основном за счет родителей, а также строительство школ в отдаленных регионах, в том числе в горных районах в Кыргызстане и Таджикистане, где такая необходимость стоит очень остро.

В-четвертых, ЕС также может способствовать повышению качества преподавания, в том числе на европейских языках, проводя целевые программы для обучающего персонала, в том числе тренинги, семинары в Центральной Азии или Европе, стажировки или через поддержку НПО, занимающихся обучением преподавателей.

В-пятых, в соответствии с принятой в 2019 году Стратегией, профессионально-техническое образование – новый важный сектор сотрудничества, но ЕС все еще предстоит выступить с инициативами для воплощения его намерений в этой сфере в реальные проекты. Хорошим примером может послужить Южная Корея и ее модель нескольких образовательных центров в Узбекистане и выдачи им грантов.²¹ ЕС также мог бы продвигать образовательные программы в соответствии с требованиями рынка труда. В этом смысле новая Стратегия вышла на новый уровень, так как продвигает принцип синергии между системами образования и рынком труда. ЕС также следует продвигать участие европейского частного сектора в профессионально-техническом

²¹ 'Самаркандскому центру профессионального обучения предоставлен миллионный грант Республики Корея', Новости Узбекистана, 27 февраля 2019 г., <https://nuz.uz/obschestvo/38986-samarkandskomu-centru-professionalnogo-obucheniya-predostavlen-millionnyy-grant-respubliki-koreya.html>

обучении, в том числе путем субсидий и налоговых послаблений.

То, что Стратегия 2019 года делает особый акцент на образовании, – позитивный шаг. Но этот сектор был и частью Стратегии в 2007 году, поэтому для его реализации необходимы конкретные проекты. Это, в частности, означает пересмотр содействия ЕС в сфере образования в сторону более практического подхода и учета местных особенностей. Вместо того, чтобы убеждать правительства проводить преждевременно масштабные реформы, такие, как Болонский процесс, ему стоит запустить новые, более целевые проекты. Стратегия уже упоминает многие из них, в том числе введение предмета «Европейские исследования» в программы обучения в Центральной Азии и улучшение обучения языкам. Это не только повысит эффективность европейского содействия, но и будет способствовать укреплению его репутации как активного партнера, способного реагировать на местные социальные и экономические потребности. Это также позволит ЕС выйти за пределы сотрудничества с правящей элитой, поскольку это рискованно как для доноров, так и для получателей помощи. Кроме того, местные студенты, прошедшие обучение в Европе или в представительствах европейских вузов в регионе, после их интеграции в высшие эшелоны власти могут стать вектором реальных перемен, преодолеть недостатки и коррумпированность действующей системы и положить начало новым подходам и существенным реформам.



EUCAM

EUCAM был запущен в 2008 году мозговым трестом FRIDE для мониторинга внедрения Стратегии Европейского союза в отношении Центральной Азии. Со временем проект превратился в информационный узел, публикующий информацию на более широкие темы, касающиеся отношений Европы и Центральной Азии. В сотрудничестве с CESS проект сосредоточится, как и прежде, на привлечении внимания к вопросам европейско-центральноазиатских отношений. В частности, в рамках EUCAM планируется:

- Критично и конструктивно анализировать европейскую политику в Центральной Азии.
- Информировать о деятельности Европы в Центральной Азии путем углубленных аналитических исследований.
- Подчеркивать важность Центральной Азии и европейского присутствия в регионе, а также обсуждать деятельность Европы внутри сообществ в Центральной Азии.
- Расширять сеть экспертов и организаций из этих двух регионов и предоставлять им площадку для диалога.



CESS

Центр исследований европейской безопасности (CESS) - независимый исследовательский и обучающий институт в Гронингене (Голландия). CESS стремится продвигать политическое развитие, демократию, права человека и в особенности безопасность, оказывая содействие правительствам и гражданскому обществу в определении стоящих перед ними вызовов.

CESS - международный, мультидисциплинарный, инклюзивный. Его работа - часть усилий по поиску стабильности и процветания как в Европе, так и за ее пределами. CESS стимулирует информированные дискуссии, содействует взаимному пониманию вопросов управления, продвигает демократические структуры и процессы

Проект осуществляется при поддержке фонда "Открытое общество".

